Анатолий Долженков

Житейски истории

Юмористическая проза. Рассказы.

Анатолий Долженков

Житейские истории. Юмористическая проза. Рассказы. Том 1

«Издательские решения»

Должженков А.

Житейские истории. Юмористическая проза. Рассказы. Том 1 / А. Должженков — «Издательские решения»,

Сборник рассказов — веселые реальные истории, отобранные из великого многообразия жизненных ситуаций. Основной жанр — комическая новелла. Герои рассказов — люди с их житейскими проблемами. Характерные события и мотивы — бытовые, служебные и семейные неудачи обывателя, пути и способы их разрешения в стремлении реализовать свои житейские интересы. Если Вам грустно, а на душе мерзко и слякотно, или если Вас одолевает скука, грозящая перерасти в зеленую тоску, прочтите, Вам станет легче и веселей.

© Должженков А.
© Издательские решения

Содержание

Энтузиаст 6
Цистерна 9
Хочу замуж!!! 16
Храп 19
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Житейские истории
Юмористическая проза. Рассказы. Том 1
Анатолий Филиппович Долженков

© Анатолий Филиппович Долженков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Энтузиаст

Энтузиасты – люди особого сорта. Почему люди? Да потому, что встречается эта особь исключительно в человеческом обществе. Про животных-энтузиастов никто, никогда, ничего не слышал. Люди, одержимые идеей коллекционирования, ради любимого дела готовы на такие жертвы и ограничения, что уму непостижимо. Особенно дикими считаются энтузиасты – собиратели. Собирают все, что только можно объединить в коллекцию – марки, монеты, картины, иконы, машины. Ну, этих-то еще как-то понять можно. При большом желании все это можно превратить в очень большие деньги, которые, кстати говоря, тоже собирают и не только энтузиасты. А как понять людей, собирающих спичечные этикетки, иголки от швейных машинок, открытки и прочий мусор? Человеку с нормально функционирующим головным мозгом подобных увлечений не понять. Понять и принять можно энтузиазм собирателей лекарственных растений, поскольку речь идет о здоровье.

Ещё на заре своей профессиональной деятельности пришлось мне работать бок о бок с терапевтом буквально помешанным на лечении травами. И фамилия у него была соответствующая, Травкин Семён Дмитриевич. В нагрузку к любому рецепту, выписанному больному с учётом рекомендаций «Фармакопеи», Семён Дмитриевич настойчиво советовал применять лечебные травы. Он легко внушал надломленным болезнями пациентам, что любой фармакологический препарат, как правило, имеет противопоказания, травы же можно применять смело, не боясь побочных действий. Надо отдать должное, во многих случаях настои и отвары оказывались значительно эффективнее лекарств полученных химическим путём. С этим самым доктором Травкиным и произошла скандальная история, разрушившая семейную жизнь травника-энтузиаста. Одержимый идеей траволечения, он каждый свой отпуск проводил в малопривлекательных, забытых Богом уголках страны, где производил сбор редких лекарственных растений и их семян. Особо ценные экземпляры он культивировал на своём приусадебном участке. Все шесть соток огорода были плотно засеяны лекарственным разнотравьем. Всякие попытки жены сунуть в землю какой-либо полезный овощ встречали столь яростный отпор, что она, в конце концов, смирилась. Но это еще куда ни шло, были и неудобства похлеще. Огромные альбомы с гербариями растений заполнили все имеющиеся в квартире шкафы и полки. Снопы трав и веток, свисающие с потолка, сводили жизненное пространство квартиры к минимуму. На плите, в эмалированных кастрюлях давно потерявших свой первоначальный цвет, всегда готовились какие-то вонючие отвары, насыщая смрадом квартиру. Несколько раз, исключительно из гуманных соображений, хозяйка попыталась добавить в кастрюлю некоторое количество ароматических приправ. Но застигнутая за этой процедурой супругом, получила такой скандал, что у нее пропала всякая охота к дальнейшим экспериментам. Травкин рыдал над сливаемым в унитаз испорченным отваром, как над самым близким усопшим родственником, проклиная жену и ее устоявшие хозяйственные навыки. С тех самых пор над плитой был вывешен транспарант, на котором огромными буквами было начертано: «Не солить. Специй не добавлять. Убью». Семейная жизнь с человеком одержимым идеей сама по себе не сахар. Для нормального человека она довольно сложна и непредсказуема, особенно если навязчивой идее посвящается не только рабочее, но и всё домашнее время. А случай этот, как раз и был из разряда хронических. Особую страсть Семён Дмитриевич питал к исследовательской работе с травами, лечебный эффект которых был не изучен или изучен недостаточно полно. Самым же надёжным способом установления эффективности воздействия лекарственного растения, как известно, является введение его в организм лабораторных животных и добровольцев из числа живых людей. С лабораторными животными проблем не было. Белые крысы и морские свинки томились в клетках и банках в одной из спален, отведенной под

лабораторию. Иногда животные совершали дерзкие побеги из мест заточения и путь их, почему-то, всегда лежал через кухню, где колдовала над плитой жена. Всякий раз, обнаруживая беглеца у своих ног, она истошно вопила, поскольку «ужас, как боялась всяких этих мышей» и карабкалась на табуретку. Окончательно женщина успокаивалась только после поимки грызуна и возвращения его в место заключения. Эксперименты с лабораторными животными всегда проходили гладко, поскольку желание или нежелание последних участвовать в опыте естествоиспытателя интересовало мало. Хуже обстояло дело с добровольцами, которых не удавалось соблазнить никакими пряниками. Коллеги по работе и соседи по дому, зная одержимость Травкина, всерьёз и не без оснований опасались стать жертвой его сомнительных экспериментов. Первыми почувствовали неладное коллеги-медики еще на заре деятельности начинающего фитотерапевта, поскольку профессионально могли оценить состояние не только чужого, но и своего собственного организма. Они обратили внимание на некоторые неприятные постоянно меняющиеся симптомы расстройств жизнедеятельности их организмов, возникающие после чаепития на работе. Небольшой консилиум, собранный заинтересованными лицами для установления истины, пришёл к печальному выводу – чай, закупаемый в соседнем магазине, и есть искомая причина всех бед. Чай был изъят из шкафа и тщательно исследован органолептическим методом, то есть, рассмотрен, обнюхан, опробован языком. Визуальный осмотр дал нужный результат. В чай была подмешана неизвестная трава. Обмен мнениями и наблюдениями оказался плодотворным. Кто-то вспомнил, какой интерес к здоровью пострадавшего коллеги всякий раз проявлял Травкин. Он подробно расспрашивал о симптомах недуга, аккуратно записывая результаты опроса в толстую тетрадь. А поскольку страстное увлечение коллеги ни для кого не являлось большим секретом, не трудно было сложить два и два, чтобы в итоге получить искомые четыре. Доктора быстро сообразили, что помимо своей воли, можно сказать, в принудительном порядке, стали участниками эксперимента на людях, как известно запрещённого мировой общественностью. Провинившегося тут же извлекли на суд праведный и после нескольких минут допроса с пристрастием, выбили из него необходимые признания. Преступник тут же повинился и раскаялся, прося пощады у разъярённых коллег. В качестве оправдательного аргумента напирал на тот факт, что всё это безобразие творилось из любви к науке и истине, непонятно каким образом с этой самой наукой связанной. Поостыв, доктора решили шум не поднимать, но чай, сахар и другие сыпучие продукты с тех самых пор запирались в шкаф, куда Травкину доступ был заказан. Но всё же, несмотря на принятые предосторожности, освежающие напитки находились у коллег Травкина под большим подозрением. Прежде чем заварить чай в кружке, он постоянно обнюхивался и внимательно осматривался очередным любителем прекрасного тонизирующего напитка на предмет наличия в нем посторонних добавок. Делалось это особенно тщательно, если Травкин крутился здесь же в ординаторской. Соседи, пережив несколько стрессов и интуитивно вычислив, откуда ветер дует, старались у этой семьи ничего не одалживать: ни соли, ни сахара, ни, упаси Боже, чайной заварки. Прямых обвинений никто не предъявлял, но судя по косвенным уликам, к семейству Травкиных доверия не было. У опального учёного оставалось два последних пути. Первый он нащупал совершенно случайно, когда однажды возвращаясь вечером домой, был окликнут соседом – известным выпивохой и бузотером. Тот, прижимая руки к груди и клятвенно обещая, что через пару дней отдаст, просил денег «на похмелку». Травкин знал, что сосед назанимал уже у всех жильцов дома и долги не возвращал в связи с чем, на все просьбы о заимствовании следовал категорический отказ, выражавшийся, как правило, в неучтивой форме. Травкин быстро сообразил, какая ему выпала неожиданная удача. Тут же он предложил страждущему соседу выпить имеющийся у него спиртовой раствор малоизученного растения, уже давно ожидающего серьезного исследования. Травкин пояснил задавленному сушняком страдальцу, что денег у него нет, но он мог бы предложить

настоянные на спирту лекарственные травы. И, если сосед и его уважаемые собутыльники желают, то он мог бы безвозмездно, так сказать, исключительно из сострадания к их плохому самочувствию, помочь. Коллектив алкоголиков, подтянувшийся к месту переговоров, всеми возможными способами убеждали доктора, что если бы он только знал какие напитки они, бывает, употребляют вовнутрь, то перестал бы терзаться сомнениями в отношении каких-то там слабых травок. На том и порешили к обоюдному удовольствию сторон. Каждый получил своё. На следующий день, возвращаясь с работы, он вновь встретил вчерашнего знакомца. Тот понуро сидел на лавке и был абсолютно трезв.

– Как вчера погуляли? – поинтересовался Травкин, присаживаясь на край лавки.

Алкоголик отреагировал на человеческую речь, поднятием головы, уставившись туманным взором на Семёна Дмитриевича.

– Ну и бухалово у тебя док…. Зверское, – наконец признал он вчерашнего благодетеля. – Меня вчера так дёргало и крючило…. Думал всё, конец. Отпукался. А мужики до сих пор никак не оклёмаются…. Вот один сижу.

Эффект от приёма препарата, в основном, соответствовал описанному в литературе. Но более полный анамнез, полученный путём детального опроса грустного подопытного, позволил обнаружить и симптомы, не отмеченные предыдущими исследователями.

Всё течёт, всё изменяется. Вскоре и этот источник иссяк. Число желающих отведать травкинские эликсиры катастрофически падало. Алкоголики избегали Семёна Дмитриевича как чумного. Он не единожды подходил к ним, предлагая помочь поправить здоровье. Но те категорически отказывались, упирая на то, что завязали. В одном случае это заявление оказалось правдою. Жена одного из подопытных, поймав Травкина в подъезде, долго и душевно благодарила доктора, за то, что вылечил мужа от алкоголизма, пытаясь всучить непьющему Травкину бутылку коньяка в знак благодарности. При очередной попытке сунуть пьяницам бутылку, ему в грубой форме объявили, что один его, Травкина, вид вызывает у них отвращение к алкоголю и попросили впредь не беспокоиться по поводу их проблем.

Оставался последний путь – ничего не подозревающая супруга. Это был выход из безвыходного положения. Через неделю после начала эксперимента, подопытная стала проявлять первые признаки беспокойства по поводу странных сбоев, происходящих в её организме, работающего до сего момента как швейцарский часовой механизм. Симптомы были такие, что не приведи Господи. Длившийся сутками изнурительный дизентерийный понос, удерживающий несчастную женщину в зоне двадцатисекундной готовности к запрыгиванию на унитаз, вдруг сменился столь длительным запором, что она ни как не могла взять в толк, куда исчезают продукты, съеденные ею за последнюю неделю. Муж успокаивал, ссылаясь на солидный возраст любимой, наступление климактерической перестройки организма и всё такое прочее. Глаза на правду женщине открыла ближайшая подруга, пару лет назад отведавшая травкинской заварки и долго после чаепития лечившаяся от аллергии. Несчастная супруга прозрела. Стало понятно, откуда на неё навалились недуги, и почему соседи косятся и не здороваются. Семья распалась со скандалом. Ещё долго несчастный участковый бегал от супруги к супругу, пытаясь как-то замять дело «об отравительстве», возникшее на основании заявления поданного потерпевшей. Но на любви Травкина к экспериментам подобные жизненные потрясения никак не отразились. Он и сейчас, находясь в довольно преклонном возрасте, не утратил энтузиазма и любви к сбору лекарственных растений.

Цистерна

Случилось это знаменательное событие в небольшом городке, которому посчастливилось быть пересечённым оживлённой автомобильной трассой. Одной тех асфальтовых артерий, что соединяют между собой областные центры и крупные промышленные города. Населённых пунктов, подобных этому, приткнувшихся к дорогам-кормилицам, ещё не так давно обозначавшихся на всех дорожных картах как трассы Республиканского или Всесоюзного значения, великое множество в государстве нашем и кормится от них разный люд. То, что без автодорог давно бы вымерли гаишники – гибэдедешники – это понятно даже самому непроходимому тупице. Им без асфальта никак. Именно они, дороги эти, породили престижную профессию – инспектор ГАИ (ГИБДД). Стражам, следящим за правильным перемещением автопотока, нравятся дороги с интенсивным движением, с обязательным присутствием бензовозов, фур и обычных грузовичков с не всегда правильно оформленными проездными документами. А как же? Чем интенсивнее снуют машины, тем больше нарушений, а, вместе с ними, и рост благосостояния придорожных охотников. На глухих просёлочных дорогах эту человеческую разновидность в портупее и с полосатой палкой не встретишь. Легенды повествуют, что во времена Киевской Руси прародитель и первый сотрудник патрульно-постовой службы Соловей-разбойник по слабости ума и малой практике тридцать лет, где-то в глуши, в стороне от торговых путей поджидал, то ли редкого конного путника, то ли владельца гужевого транспорта. Чем всё это кончилось известно. Объезжавший с инспекционной поездкой захолустные места Киевской области инспектор службы внутреннего расследования Илья Муромец, состоявший при тогдашнем мэре города Киева – князе Владимире – Красное Солнышко, усмотрев нарушение устава несения патрульно-постовой службы, применил к нарушителю санкции, предусмотренные тогдашним законодательством. И, видно, памятуя печальный опыт своего далёкого предшественника, нынешние работники свистка и полосатой палки предпочитают нести службу на видном, хорошо просматриваемом месте.

Многочисленные базарчики и киоски, сулящие дорожным людям всякие дары природы, на которые богата та или иная местность – то ли рыбка копчёная, солёная или вяленая, от которой у приезжих слюнки текут и пиво мерещится; то ли грибочки маринованные плотно закатанные в стеклянные банки и намытые до блеска так, что каждый смотрелся, словно через увеличительное стекло – свидетельствовали о том, что и прочий люд, не столь щедро одаренный доверием государства, как владельцы полосатой палки, тоже кое-что с дороги имел. Малосольные огурчики, капустка квашенная, копчёное мясо и сало – мало ли, что может предложить житель сельской местности проезжим. Кое-кто, у кого, как говорится, руки пришиты там, где надо, весьма прибыльно торговал деревянными поделками и корзинами собственного изготовления. Сегодня это заработок и чуть ли не единственный источник существования для многих жителей придорожных городов. Люди в таких городках проживают тихие, непритязательные, стойко переносящие тяготы непростой периферийной жизни.

Вася Шкоркин на рынке не торговал. Там промышляла женская составляющая его семьи – жена да тёща. Торговали, в основном, грибами и рыбой. Грибы на продажу поставлял он, глава семьи, собирая их в огромных количествах в окрестных лесах. Места знал заветные, грибные. Баловался и ловлей рыбки. Браконьерствовал сетью понемногу. Но это так, побочный заработок. Василий Шкоркин был одним из немногих счастливцев, имеющих постоянную работу, что в подобном городке – великая редкость. Пару лет назад дельцы из областного центра открыли в старой заброшенной школе небольшой колбасный цех. Почему именно здесь? А кто их нынешних бизнесменов поймёт. Места тихие, недвижи-

мость дешевле, да и народу трудовому меньше платить можно. А поскольку работы здесь днём с огнём не сыщешь, недовольных не будет. Опять же ближе к селу, а значит и к крупному рогатому и безрогому скоту. В общем, выгодно со всех сторон. Сюда-то ему и подфартило втиснуться сторожем. Кум помог. Заступал Василий на сутки и следующие сутки был свободен как птица в полёте. Красота! А что такое сторож в колбасном цехе? Это же надо понимать. Целые сутки вертеться у колбасы и мяса и ничего не украсть? Кто тебя умным назовёт? Тут хоть социализм, хоть капитализм назначай, хоть к рабовладельческому строю возвращайся – ничего не поможет.

В тот роковой осенний вечер Шкоркин вышел из дому пораньше. Были кое-какие делишки по ходу перемещения к месту работы. В киоск должок занести за выпитые вчера в долг сто грамм и так – кое-что по мелочи. Заботы – хлопоты по жизни. Он не торопясь пересёк трассу и по просёлочной дороге вышел на лесную поляну, дабы скостить путь, и вдруг прямо перед собой увидел её. Огромная автомобильная цистерна, неизвестно как оказавшаяся в стороне от дороги, маячила чёрной пузатой тенью на фоне могучих стволов сосен.

– Откуда она здесь взялась? Надо же…, – в недоумении описывая круги вокруг необычной находки, бормотал Василий. – Да тут авария, – наклонился он, рассматривая разбитый задний мост. – Ох, эти городские…. Это они подумали, что надёжно спрятали. Ну, ей-богу, как дети. А вообще-то, кому она нужна, бандура эта. Не спрячешь, не укроешь от нескромных глаз бывших владельцев…. Будет торчать, что твоя ракета на полигоне. Что же они её у дороги-то не бросили? Видно, не пустая ёмкость-то. Надо же…

Он забрался на прицеп и с хозяйской дотошностью осмотрел находку. Осторожно постукивая по круглым бокам цистерны, убедился, что она отнюдь не пуста.

– Кажись полная. До краёв залита, – задумчиво проронил он. – Полная чего? Говна? И такое может случиться в отечестве нашем. Тогда зачем так тщательно прятать? У нас своего девать некуда…. А вот и крантик имеется…. Открыть, что ли? А вдруг ядохимикат или ещё чего похлеще…. Нельзя так сразу… Экологическая катастрофа и каюк всему ходящему, прыгающему и ползающему. Да нет, ничего такого предупреждающего на цистерне не обозначено…

Он извлёк из сумки гранёный двухсотграммовый стакан и тщательно его протёр куском газеты, в которую был завёрнут «тормозок». Стакан этот он постоянно таскал с собой на работу, поскольку оставлять его на службе не рекомендовалось. Хозяева предупредили сразу – за пьянство на рабочем месте выгонят без долгих разговоров и пререканий. Надо было соблюдать предосторожность, чтобы не попасть на глаза завистникам и стукачам. Он нашёл подходящий кусок дерева, установил на нём стакан, задвинув его под самый кран, и принялся осторожно раскручивать вентиль. Тот не поддавался. Василий приналёг.

– Надо же, как затянули, варвары…, – кряхтел он тужась. – Ничего, мы люди мастеровые, умелые…. Как-нибудь управимся и без подручных средств.

После долгой возни кран наконец-то поддался. Натужно скрипнув, вентиль медленно провернулся.

– Ещё немного, ещё чуть-чуть… поднажмём…. Никуда ты, родной, от нас не денешься. Вот так, – удовлетворённо крякнул он, заметив, как в стакан закапала жидкость. – Пожалуй, для эксперимента будет достаточно, – возвращая вентиль в первоначальное положение, решил он. – Что же мы имеем из этой таинственной ёмкости в качестве жидкости?

Жидкость пахла вином. Да так смачно пахла, что не оставляла никаких сомнений в характере содержимого цистерны.

– Вот это лотерея! Стоит в лесу цистерна с винищем, и я один как рыцарь на распутье – выпить, не выпить, – он ещё раз обонял содержимое стакана. – Ну, вино же, честное слово, вино…. Выпить, что ли? А вдруг нет? Так ведь запах же…. Нет! Опасно, боязно…. Думай, думай, Вася, не ленись, а то останешься трезвым. Придумал.

Он трясущимися от возбуждения руками извлёк из сумки двухлитровую полиэтиленовую бутылку с чаем и, быстро свинтив крышку, вылил безалкогольное содержимое в траву. Бутылку до краёв наполнил из цистерны. Расстояние от цистерны до проходной пролетел за считанные минуты.

– Петрович, Петрович, отвори, – крикнул он сменщику, проникая в открывшуюся дверь.

– Ты что, Василий, гонятся за тобой? – спросил удивлённый старик, рассматривая тяжело дышащего сменщика поверх очков.

– Тут такое дело, Петрович… Братан двоюродный с севера на одну ночь приехал.… А у меня того… дежурство…. Двадцать лет не виделись, сам понимаешь.… А я не с пустыми руками.… Вот он, Валерка, винца привёз разливного. Это не та бурда, что в магазине… стоящее винцо. Так как, подменишь до утра.… Я в накладе не останусь…, – он с мольбой посмотрел на сменщика.

– Чего же не помочь хорошему человеку, когда ему требуется помощь. Все мы люди православные, а значит, на помощь отзывчивые. Только ты не пей много, да и утром долго не задерживайся. Не тебе говорить, какие у нас хозяева – бывшие работники ОРСа, – согласился Петрович, отвинчивая крышку. – Что за винище-то?

– Не знаю, ещё сам не пробовал. Поди – знай, договоримся, нет…, – не сводил он глаз со старика, припавшего к горлышку бутылки. – Ну, как винцо-то?

– Портвейн. Отличный марочный портвейн из прежней жизни, – крякнул старик, вытирая ладонью мокрые губы. – Давно забытый вкус. Будет мне удовольствие на всю ночь.

– Чувствуешь-то себя как – хорошо? – осторожно спросил Василий, впившись взглядом в раскрасневшиеся щёки старика. – Ничего не болит,… не тошнит?

– А что мне станется? После войны на восстановлении народного хозяйства по три смены вкалывали ещё пацанами будучи, так что мы к этому делу привычные. Иди – не беспокойся.

– Я ведро возьму то, старое. Оно здесь никому не нужно, а я братану грибочков маринованных… в дорогу….

– Бери, не жалко. Ничейное оно…

– Ну, давай, Петрович, до утра, что ли?

– Беги, не теряй время.

Шкоркин подхватив ведро, выскочил в темноту.

– Хороший парень, отзывчивый, – проворковал Петрович, закрывая дверь на засов, не без удовольствия припадая к бутылке.

Посвистывая, Василий приблизился к заветному месту, рассчитывая таким нехитрым манёвром привлечь внимание хозяев цистерны, если таковые объявились. Дабы не попасть впросак. У цистерны никого не было. Нервно оглядываясь и вздрагивая от малейшего шороха, он до краёв наполнил ведро и двинул в направлении трассы. Ведро оттягивало руку, но он не замечал неудобств, торопясь уйти подальше от злачного места.

Шёл он не домой. Дома, конечно, обрадуются удаче, но ведро отберут, вино разольют по бутылкам и будут выдавать по стакану на праздники или по случаю дня рождения. Нет уж, спасибо за заботу. Он шёл к куму, твёрдо зная, что жена его, Ленка, укатила к матери на село и будет никак не раньше завтрашнего дня. За это время много великих дел совершить можно.

Входная дверь кумовой квартиры долго не открывалась. Вася Шкоркин давил на кнопку звонка пальцем с такой силой, будто хотел протолкнуть её вглубь стены. Наконец, где-то глубоко в недрах помещения заскрипело, загремело, закашляло и из-за приоткрытой двери показалось заспанное лицо кума Андрюхи.

– Ну, ты и здоров спать, – недовольно проворчал поздний гость, отодвигая плечом хозяина и проникая в квартиру. – Минут двадцать пришлось под дверью торчать.

– Ты же вроде как на работе находиться должен или я что-то перепутал? – безразлично спросил кум, беспрерывно зевая.

– Должен, должен, – раздражённо перебил пришедший. – Мало ли, я что кому должен. Тут такие брат дела, что не до работы теперь. Хлебни-ка из ведра для быстрого осознания важности момента и сокращения времени на длинные разговоры и увещевания.

Схватив со стола кружку и зачерпнув ею из ведра, протянул хозяину квартиры.

– Причащайся. Ну как? – нетерпеливо спросил он, заметив, что содержимое кружки полностью перелилось в лягушачий рот кума.

Неплохо, – отозвался тот, понюхав рукав пижамы, – натуральный портвейн. У тебя, что там, полное ведро?

Ведро, – пренебрежительно хмыкнул Василий. – Цистерна. Цистерна с первоклассным напитком скучает здесь неподалёку и требует к себе особого внимания.

Зачерпнув половину кружки, он наконец-то, решился подвергнуть напиток дегустации лично. Удовлетворительное состояние двух подопытных кроликов опасений по поводу качества напитка и последствий приема уже не вызывало.

– Как цистерна? – не поверил кум, вновь погружая кружку в ведро. – Какой это дурак будет цистернами с вином разбрасываться?

– Этого я тебе сказать не могу. Слава Богу, хозяев видеть не пришлось. Повремени пока, Андрюха, – вырвал он кружку из рук кума, попытавшегося в очередной раз нырнуть в ведро. – Успеем ещё. У тебя, сколько вёдер дома имеется?

– Да кто же его знает? Этим у меня Ленка занимается…. Вёдрами, банками, посудой всякой…

– Довольно философствовать. Ленку ему подавай…. Сам ищи, да побыстрее. Нам сегодня в ночную смену ох как славно потрудиться придётся.

Две серые тени, гремя пустыми вёдрами, словно древние рыцари доспехами, приближались к цистерне.

– Ну, где она, твоя ёмкость? – нетерпеливо прохрипел кум Андрей.

– Вот она перед тобой. Смотри нос не разбей. По-моему, никого нет. Никого не видишь, Андрюха?

– Никого вроде.

– Тогда за дело.

Первая ходка была не совсем удачной. Уже у дома, практически у подъезда, наткнулись на старуху Матвеевну из восемнадцатой квартиры.

– Вот где хозяева-то, не то, что мой зятёк – урод. О семье заботятся. Что, мужики, воды, что ли в кране нет? Издалека носите.

– А то не знаешь? До чего же ты любопытная старуха, Матвеевна, – поставив вёдра на землю, с удовольствием потянулся Андрей.

– Ты что, Матвеевна, фиксируешь перемещение потока жильцов? Перепись проводишь? – остановился рядом Василий.

– Какая там перепись? Зятёк – забулдыга опять до самых краёв налился. Сами знаете, когда он выпимши, на глаза ему лучше не попадаться. Подожду, пока заснёт, зараза, тогда и я в дом войду.

– Это ты мудро рассудила. Видишь Андрюха: ни разговоров, ни увещеваний. Один пропущенный Матвеевной прямой левый в нижнюю челюсть, в рейтинговом поединке с зятем за звание чемпиона кухни в одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году – и какие замечательные результаты. Не тёща – золото. Учись у людей, как надо правильно строить отношения в семье.

Подхватив ведра, кумовья устремились наверх по лестничному маршу.

– Сорок литров, – любовно глядя на стоящие посреди квартиры четыре полных ведра, промурлыкал Василий. – И ещё одно, что я раньше принёс. Итого пятьдесят.

– Не расслабляйся. Маршрут надо повторить, – веско сказал Андрей, о чём-то напряжённо раздумывая.

– А куда лить-то? – недоумённо посмотрел на кума Шкоркин. – Прежнее ведро еле-еле разместили. Ни одной пустой банки в доме нет, даже майонезной.

– Думать надо. Такой случай раз в жизни бывает – и то не у каждого. А ты говоришь, куда лить?

– Что тут думать? Остались унитаз да ванная – окна в открытую природу. Не туда же портвейн сливать?

– Именно туда! – радостно закричал Андрюха. – Именно!

– В унитаз, что ли?

– Какой там унитаз, в ванную. Целая ванная вина! Представляешь, на сколько дней хватит? Пробочку, что слив прикрывает, обернём целлофаном, чтобы ни одна капля не просочилась, ни одна… Ванную вымоем с содой, ополоснём для гигиены.… Всех делов-то – три-четыре ходки.… До рассвета должны успеть.

– А как мыться-то? Грязью зарастёшь…

– Господи, о чём думает человек в такой судьбоносный момент?

И началось движение, которое без ложной скромности можно было назвать стахановским. Ноги гудели, руки дрожали, с трудом удерживая вёдра, казавшиеся уже многотонными. Голова от винных паров кружилась так, что теряли ориентацию во времени и пространстве. Но они вновь и вновь, преодолевая трудности, собрав остатки воли в кулак, заставляли себя возвращаться в цистерне.

– Ну вот, – выливая очередную порцию напитка в почти полную ванную, прохрипел Андрей. – Ещё одна ходка и все.… Всё. Только одна ходка…

– А может быть, ну её, – раскачиваясь, словно молодая берёза под шквальным ветром, предложил Василий. – Вон сколько натаскали.… Пить, не перепить…

– Это только кажется. Хорошего много и долго не бывает. Запомни эту истину, друг мой.

Последний маршрут кумовья преодолевали в четыре раза дольше, чем предыдущие. Пот катил градом, выжигая глаза. Майка прилипла к телу так плотно, что казалось, будто это задубевший верхний слой кожи. Колени дрожали, а руки, оттянутые вёдрами, были длиннее, чем у орангутангов из программы «В мире животных».

– Всё, – поставив вёдра на пол, блаженно закатил глаза Андрей. – Финита ля комедия, как говорят где-то за бугром. Эх, и оторвёмся же….

– Что это у тебя шумит? – спросил Шкоркин настораживаясь. – Вода, что ли?

– Похоже на то… Видно в кухне кран забыл завертеть. Воду-то дают на пару часов в сутки. Вот и забываешь – открыт кран, закрыт…

– Точно на кухне, не в ванной? – забеспокоился Василий.

– Сейчас проверим.

Усталость сняло как рукой. На кухне было всё в порядке, зато в ванной дверь оказалась запертой изнутри.

– Ничего не пойму, – дёрнув ручку двери, изумился Андрей. – На запах кто-то просочился, что ли?

– Подожди не шуми,… дай послушаю, – припав ухом к щели Шкоркин замер. – Плещется кто-то в ванной… и шампунем разит. Андрюха, ей-богу там кто-то купается.

– В вине? Это ты того, загнул…

– А вот и пальтишко чьё-то на двери висит. Прежде его не было…

– Ленкино это пальто… Ленка от матери вернулась.… Надо же, как не вовремя, – проронил Андрей, исследуя пальто жены. – Её это пальто, точно её…

– Надо же какой нюх, – изумился Вася. – Не успела пальто сбросить и сразу же в ванную. Ещё и закрылась изнутри, зараза. Чего это она закрылась, кум? Ей же столько не выпить.

– Да не пьёт она вовсе. Не употребляет совсем… Она, дура, и не поймёт, что в ванной налито.

– Не пьёт…. Ты смотри какая. Может она купается… в марочном портвейне. Аристократка.… Нет, аристократы – те больше шампанское предпочитают для мокрых процедур.

Четыре кулака загрохотали по двери.

– Открой, – орали благим матом кумовья, напирая на дверь. – Сейчас же открой, зараза.

Вскоре дверь отворилась и на пороге ванной появилась раскрасневшаяся Ленка с намотанным на голову полотенцем.

– Вы что озверели, варвары, – набросилась она на кумовей. Чуть дверь не вышибли…

– Хорошо попарилась? – полюбопытствовал Василий, заглядывая через Ленкино плечо и пытаясь на глаз оценить степень убытков.

– Не очень, – грубо ответила та, оттесняя нахала круглым плечом вглубь коридора.

– Оно и понятно, – согласился тот, пятясь, – семнадцать градусов всего.… Даже не сорок… Сахара там, правда, девять процентов… Ничего не слиплось?

– Тебя не касается. Где уже глаза залили, алкоголики? Раннее утро на дворе.

– Вот, вот. Она там ещё и кое-что сполоснула… трусишки, прочее нижнее бельё… Чистоплотная у тебя супруженица, Андрюха.

– Отчего же не сполоснуть, если воду дали? Теперь это событие редкое…

У Василия оборвалось сердце и остановилось дыхание. Оттолкнув возмущённую хозяйку, он бросился к ванной. Ванная была безобразно пуста, тщательно вымыта и пахла шампунем. Андрей боялся переступить порог ванной комнаты, предчувствуя непоправимое. Страшное известие парализовало его, превратив в монумент всем скорбящим. Губы побелели, стеклянные глаза смотрели в пустоту. Хозяйка, плохо понимая остроту момента, набросилась на мужа с упрёками, пытаясь восстановить в семье свой пошатнувшийся авторитет и показать этим, потерявшим страх мужикам, кто в доме хозяин.

– Тебя на пару дней на хозяйстве оставить нельзя, – наседала она на невменяемого супруга. – Уж, казалось, чего проще…. Запас воды в ванной и то по-человечески сделать не можешь. Ржавчину со всего водопровода собрал, бестолковый.

– Какой воды, дура? – визжал впавший в слепую ярость Василий. – Какой воды? Портвейн это был, поняла…. Ты спустила в канализацию марочный портвейн по три доллара за бутылку.… Господи, – застонал он, вознеся руки к небу, – ты же всё видел. Накажи её. Только сейчас накажи, не откладывая. Я не кровожадный, но очень хочу взглянуть, как ты будешь вершить правосудие…

– Что ты мелешь, – не поверила Ленка, проведя в уме несложный подсчёт и получив в итоге невероятную сумму. – Откуда у вас, голомыдников, приличное пойло возьмётся? Портвейн марочный, – иронично хмыкнула она. – Давай, выметайся отсюда. Не успеешь за дверь, а они уже кучкуются.

– А-а-а-а-а! – вдруг заорал дурным голосом невменяемый Андрюха. – Убью суку…

Огромный волосатый кулак опустился на Ленкину голову. Шкоркин закрыв от страха руками голову, присел на корточки. Раздался стук падающего тела. Первое, что он заметил, когда вновь обрёл способность видеть и воспринимать реальность, вернувшуюся к нему в его ощущениях, распростёршуюся на полу Ленку с заплывшим глазом и нависшего над ней кума-мстителя. Пятясь, он покинул Куликово поле, выйдя в подъезд, нервно закурил.

Когда он возвратился в квартиру, успокоившиеся супруги сидели за обеденным столом друг напротив друга. Ленка, как ни странно, была жива. Но любящая жена и достойная мать, на независимый взгляд Василия, как-то сразу утратила свою женскую привлекательность и врождённую красоту. Огромный синяк практически полностью закрыл её левый глаз. Распухшее ухо наоборот, приобрело малиновый оттенок. Голова, болтаясь из стороны в сторону, как пришитая, не в состоянии была утвердиться в вертикальном положении. Превентивные воспитательные меры помогли понять заблудшей овце степень её вины. Под тяжестью предъявленных обвинений, стороной потерпевшей убыток, она полностью утратила присущую её полу агрессивность, признав, что «… её, поганку, следовало бы вообще удавить за то, что она натворила».

Кумовья с похоронными лицами пили уцелевший портвейн из трёхлитровой банки, куда ещё не дотянулась Ленкина шкодливая рука. Перевоспитанная супруга сидела рядом, силясь постичь, на каком свете она находится – на том или этом – и не могла прийти к окончательному решению. Когда вина в бутыли осталось на два пальца, Василий тяжело поднялся из-за стола.

– Пойду я, – сказал он чужим голосом куда-то в сторону. – На работу пора.

Выйдя на улицу, он медленно побрёл по знакомому маршруту. Рассвело. На поляне у цистерны копошились люди. Не останавливаясь, он двинулся дальше, к гостеприимно распахнутым воротам проходной.

– Как погуляли? – поинтересовался Петрович, успевший за ночь опустошить двухлитровую бутылку.

– Погуляли, – отрешённо выдохнул Василий. – Ох, как погуляли!

Хочу замуж!!!

Одной моей знакомой замуж приспичило. Сильно приспичило. Прямо, невмоготу стало. То ли весна накатила, вызвав сверхнормативный выброс гормонов, то ли другая какая авария органов внутренней секреции произошла. Не знаю, только перевозбудилась женщина от избытка чувств и эмоций чрезмерно – это факт. И вот процесс этот, необратимый и неуправляемый, как сошедший с рельсов трамвай, стал прогрессировать со скоростью пулемётной очереди. Утром, предположим, ей приспичило, а к вечеру всякими шутками и сексуальными прибаутками она достала даже импотентов и гомосексуалистов, вызвав у первых вялую волну ностальгических воспоминаний по давно утраченным ощущениям, а у вторых раздражение, переходящее в слепую ярость. Народ из окружающей торговой среды с пониманием отнёсся к физиологическим сбоям внутри женского организма.

– Ты бы, – советуют ей, – успокоительного чего-нибудь проглотила. Смотри, как тебя колотит. А не желаешь, лекарство принимать, мужичонку, какого ни на есть, раздобудь из семейства членистоногих. Пусть поправит гинекологию традиционным способом, если, конечно, не поздно и что-то ещё можно сделать. К утру, смотришь, и закончится бурление крови, и пена изо рта пузыриться перестанет.

Совет весьма дельный, поскольку женский организм в возбуждённом состоянии подобен ядерному реактору, поражая в ореоле своего обитания всё половозрелое мужское население. А надо бы аккуратнее, без жертв.

– Нет, – отвечает знакомая, с негодованием отметая разумное предложение, – надоели одноразовые. Не шприцы, в конце концов, стерилизовать не надо. Постоянного хочу, чтобы в паспорте у меня был зафиксирован, и в случае конфликта, никак не смог бы от нежных чувств отвертеться.

– Тогда, – советуют ей подруги, уразумев, что случай тяжёлый и дальше тянуть некуда, – заметку тисни в брачную газетку. Мол, так и так. Не имеется ли кого, случайно, с серьёзными намерениями. Может, какой-нибудь недальновидный и клюнет на эту коварную наживку. И тогда подсекай, не зевай. Очень даже запросто удастся эта рыбная ловля на живца при огромном желании и небольшом фарте.

Глубоко, знаете ли, предложенная прогрессивная идея запала в ослабленную любовными переживаниями душу претендентки на замужество. Так сильно её трясло и плющило от отравления гормонами, что, не откладывая дело в долгий ящик, она тут же приступила к литературной деятельности. Через пару часов на свет божий в творческих муках родилось произведение, выдержанное в лучших традициях брачного жанра следующего содержания:

«Срочно! Относительно молодая сексуально озабоченная женщина ищет мужчину для брака, способного в интимных отношениях хотя бы на обязательную программу. Вредные привычки и другие мелочи жизни нежелательны и при наличии глубокого всепоглощающего чувства большого значения не имеют. Коротко о себе. Внешность испуга и огорчений не вызывает. Детей и венерических заболеваний нет, о чём имеются соответствующие справки. Ответь – и ты станешь участником любовного марафона длинною в жизнь. Не сокращай отведенное нам на этой земле время сомнениями и колебаниями. Считай, что уже твоя. Маша».

Положительный ответ был получен ровно через месяц. Незнакомец писал:

«Здравствуйте, такая далёкая и, вместе с тем, невыносимо близкая Маша. Вот уже третий день держу в руках газету с Вашим объявлением и не могу прочесть его без слез, в отдельных местах переходящих в рыдания. Этого счастья я ждал всю свою жизнь и не уверен, достоин ли я его. Уповая на Ваше милосердие, рассчитываю на прощение за небольшое лирическое отступление от основной мысли, пронизывающей все послание. А теперь кон-

кретно по тексту объявления. Главное, как я понял, требование, предъявляемое соискателю, претендующему на половину брачного ложа, заключается в наличии моральных и физических кондиций, необходимых для выполнения основных условий, предусмотренных супружеским долгом. Не скрою, оглядываясь на пройденный мною жизненный путь, вынужден с грустью констатировать, что те восемь браков и неподдающиеся никакому статистическому учёту внебрачные связи, основательно подорвали отнюдь не безграничные силы моего организма. Моторесурс первоисточника значительно подисчерпался. Аппарат практически приведен в негодность многолетней бесперебойной работой без отдыха и профилактического отстоя. Впрочем, при разумном, я бы даже сказал, щадящем режиме эксплуатации он, конечно же, ещё послужит некоторое время по прямому назначению. При благоприятном же стечении обстоятельств и небольшом везении может даже выходить установленный гарантийный срок, предусмотренный техническим заданием на мужской детородный орган, каковым без колебаний можно считать Ваше объявление.

Что же касается любовного марафона до гроба, то по этому поводу хотелось бы поделиться с Вами сомнениями и, где-то даже, опасениями. Не лишним будет заострить Ваше внимание на том факте, что если при проведении подобного сексуального многоборья не учесть индивидуальных особенностей моего ослабленного жизнью организма, амортизация которого по самым скромным прикидкам составляет что-то около восьмидесяти процентов, то путь этот будет до обидного коротким и с обязательным летальным исходом. А если без жертв, связанных с потерей кормильца, каковыми традиционно считаются мужчины, то возможны два варианта решения проблемы.

Первый путь – пять – шесть человек, моего пола и возраста, одержимые одной идеей легко решают поставленную Вами задачу при условии чётко отлаженного сменного режима работы – с перерывами на отдых и лечение. Вижу, вижу Ваше неудовольствие, насупившиеся бровки и сердитое личико. Но не будем сразу отбрасывать эту, в общем-то, неплохую идею. Передовой опыт востока свидетельствует о том, что прецедент подобного социального явления имеет место в жизни тамошних народов, чему есть вполне логическое объяснение. Представьте себе на минутку их условия жизни – восток, жара, фруктовые деревья – апельсины и инжир, другие благоухания. Сами понимаете, всё это располагает к интиму. У нас дела обстоят несколько по иному – север, холодрыга, ёлки-палки, шишки, сосновая смола и благоухания, исходящие исключительно от человека и продуктов его жизнедеятельности. Интим в подобных условиях, конечно же, возможен, но при наличии силы воли и высокого чувства ответственности за важную миссию мужчины – продолжение человеческого рода. В этой связи у них и у нас возникают абсолютно разные организационные формы любовных отношений. У них на фоне великолепного микроклимата сформировалось и развивается сообщество людей под названием группа активного риска единобрачных молодух, сокращённо «ГАРЕМ», у нас же может прижиться только общество с ответственностью, ограниченной сексуальными возможностями особей мужского пола, короче «ООО СВОМП». Звучит загадочно и интригующе. В штатном расписании так же имеются некоторые несущественные отличия. У них восточный деспот, жёны и наложницы, у нас – хозяйка-кормилица, мужья и заложники. Так что, Машенька, как говорится, поскольку существует мировой аналог, приличия можно считать соблюдёнными, а условности нивелированными.

Второй вариант – поиск и подключение меня к альтернативному источнику питания для получения дополнительной энергии. Цель самая благородная – создание условий бесперебойной работы мужчины в аварийном режиме. С грустью в сердце хочу заметить, что наука в решении этой архиважной проблемы практически не продвинулась и судьбоносных достижений, к сожалению, не имеет. Так не к розетке же мне подключаться, в конце концов. Я же не утюг, меня этим не разогреешь. Скажу Вам откровенно, как будущему близкому человеку, я являюсь сторонником прогрессивной точки зрения – при наличии двух любящих

сердец, будьте уверены, и остальные органы и части тела как-нибудь сработаются и притрутся.

Что же касается вредных привычек, скрывать не буду, у меня их две. Забываю выключать свет в туалете и отдавать долги. Особенно вредна последняя привычка. Через неё я уже дважды проходил курс лечения в травматологии, о чём имеются соответствующие документы. На этой высокой ноте я заканчиваю своё письмо в ожидании окончательного приговора. Ваш будущий супруг, Фёдор».

Храп

Из всех видов междугороднего общественного транспорта я предпочитаю железнодорожный. По разным, знаете ли, причинам предпочитаю. Нет, никто не спорит. Из пункта «А» в пункт «Б» самолётом намного быстрее можно добраться, чем тем же поездом. Романтики, правда, маловато – взлёт – посадка, но зато как быстро. Не успел, как говорится, сесть, а уже всё выходи, приехали, то есть прилетели. Впрочем, если взглянуть с другой стороны, быстро-то оно быстро, но если всё удачно сложится. А когда с утра не заладилось и всё пошло насмарку да не в масть, а в раскоряку и наперекосяк, забираться так высоко не рекомендуется даже распоследнему оптимисту. Физику в школе все проходили. Знаем, самолёт значительно тяжелее воздуха будет. Так что по разным причинам эта железная птица к большому огорчению пассажиров и лиц их встречающих, в пункт «Б» может так и не прибыть. Есть от чего подвергнуться унынию, когда вспомнишь, насколько высоко от поверхности планеты ты расположен, а закон земного притяжения парламент ещё не пересматривал. Таблицу умножения на два принял с третьей попытки, это было. Таблицу Менделеева рассмотрел в первом чтении и отправил господину Менделееву на доработку. Это тоже можно зачесть законодателям в актив. А закон земного притяжения не был поставлен даже на повестку дня. Как был, так и остался и поэтому работает на совесть.

Приходилось мне слышать, что когда человек падает с большой высоты без парашюта, перед ним вся его жизнь стремительно пролетает, начиная с грудного младенчества и, буквально, до ситуации, предшествовавшей падению. Такие, знаете ли, сентиментальные воспоминания в последнем полёте. Краткое содержание жизни, делённое на время свободного падения физического тела. Формулка незатейливая, взятая из школьного курса физики. Незыблемые основы кинематики. Не знаю, как это бывает у других граждан, на собственной шкуре испытавших закон всемирного тяготения, но приятелю моему совсем другие чувства ощущать довелось, когда случилось ему как-то в небольшой авиакатастрофе побывать на высоте семь тысяч метров от поверхности земли. Сразу хочу успокоить общественность, дабы не вызвать испуга у будущих авиапассажиров, закончилось это небольшое происшествие относительно благополучно. Без напрасных жертв и последующих страданий родственников, связанных с ритуальными хлопотами. Пусть и не там, где планировали, и не столь мягко, как хотелось бы, но с Божьей помощью приземлились они более-менее удачно.

А дело было так. Пару лет назад пришлось моему знакомому на короткое время в город Санкт-Петербург слетать. Он торопился в город на Неве, чтобы получить долг от своего партнёра по бизнесу. Вот и выбрал самолет, опасаясь, что если затянуть взаимный расчёт, то возврат денег может и не состояться. Время-то нынче, сами знаете какое, нестабильное.

– Дай, – думает, – смотаюсь туда – сюда – обратно, стребую должок с компаньона. Опять же, праздники на носу. Подарки семье приобрету в Северной столице. Жене шубу норковую – соседкам на зависть. Детишкам из игрушек что-нибудь так, по мелочи. Свои ведь дети, не соседские, наверное. Тестю – кальсоны на лебяжьем пуху. Не жалко, пусть носит, геморрой прогревает. А тёща и так перетопчется. Ничего этой гюрзе покупать не стану, исключительно из воспитательных соображений. Пусть позлится, лишний яд сбросит.

И вот предаваясь таким приятным мечтам и воспоминаниям, сидит он тихо себе в кресле авиалайнера, млея от удовольствия и собственной значимости. И вдруг замечает, что из кабины пилота неуверенно, как-то боком выползает стюардесса. Лицо у неё белее мела, глаза – два чайных блюдца. И вообще ведёт она себя странно. Пугливо озирается по сторонам и дрожит всем телом будто бы в лихорадке. Бросив полный безысходности

и тоски взгляд на притихших пассажиров и выдержав принятую в таких случаях небольшую траурную паузу, она даёт краткое объявление следующего пошлого содержания.

– Граждане, – говорит, – пассажиры. Обращаюсь ко всем тем, кому сегодня выпала нелёгкая судьба лететь этим скорбным рейсом. Сообщаю, чтобы не порождать ненужных слухов, что полёт наш проходит совершенно нормально, где-то на высоте семь тысяч метров над уровнем моря и температура за бортом такая, какая и должна быть в этом месте, хотя вряд ли эти подробности кому-то уже интересны.

И так же, крабьей походкой, всхлипывая и размазывая слёзы по щекам, отступила на исходные позиции. Пассажиры, внимательно прослушав информацию и слегка встревоженные непотребным видом стюардессы, пришли в замешательство. У пассажиров сообщение вызвало небольшую тревогу, местами переходящую в лёгкую панику. Нервничали все, включая грудных детей и кормящих матерей. Во-первых, огорчал и не вызывал доверия внешний вид верной подруги пилотов и бортмехаников, абсолютно не соответствовавший содержанию текста, а во-вторых, зачем ты лезешь со своими объявлениями, если тебя никто ни о чём таком не спрашивает? Тем более не ясно, об уровне какого моря идёт речь, если внизу твёрдая суша. По рядам кресел прокатился тихий, словно шелест сухих листьев, тревожный шёпот. Дискутировались два жизненно важных вопроса, а именно, бесперебойно ли работают двигатели авиалайнера и не имеет ли он, лайнер, опасного крена в какую-либо сторону. Пивная бутылка, пущенная по салону чьей-то экспериментирующей рукой, подтвердила самые худшие прогнозы – носовая часть летательного аппарата по отношению к планете Земля располагалась значительно ниже, чем его же хвостовое оперение. Смелый эксперимент заронил зерно сомнения в души участников полёта. Возникли противоречивые мнения в отношении того, много или мало это будет «семь тысяч метров над уровнем неизвестного моря» для благополучного завершения полёта. Огромный интерес вызывал вопрос, не слишком ли безнадёжно будет выглядеть ситуация, если параметры высоты выразить параметрами времени, в течение которого самолёт ещё сможет продержаться в воздухе. Напряжение в и так нервозную атмосферу добавил второй пилот, пулей вылетевший из помещения, куда пять минут назад уползла деморализованная стюардесса. Издавая по ходу движения неприлично громкие урчания желудочно-кишечным трактом, он, прошмыгнул через весь салон и запрыгнув в туалет, затих, перестав подавать какие бы то ни было признаки жизни. Расстроенные неадекватными действиями экипажа, пассивные участники полёта тут же пришли к единому мнению, что второй пилот, судя по тому, с какой скоростью он преодолел расстояние отделяющее кабину пилотов от унитаза, не был похож на человека, имеющего солидную фору в семь тысяч метров. Он тянул на тысячу, в лучшем случае полторы.

Лёгкое волнение вскоре переросло в небольшой несанкционированный митинг. В прениях вот-вот должна была родиться истина. Кто-то требовал призвать стюардессу и допросить её с пристрастием. Другие советовали снять с горшка второго пилота, и угрозами или с помощью физического насилия, выбить из него истину. Были и такие, которые всё время вели научные наблюдения через иллюминатор, пытаясь на глаз прикинуть расстояние до земли. Короче говоря, каждый расстраивался в силу своих устоявшихся привычек и воспитания.

Но не будем судить строго несчастных любителей воздушных путешествий. Неизвестно, как бы мы с вами себя повели, наблюдая мерзопакостную картину падения летательного аппарата на Землю, по роковому стечению обстоятельств находясь внутри падающего объекта. Стресс, да и только. Понятно, что в образовавшейся панике и суете, не представлялось абсолютно никакой возможности предаваться мечтам и воспоминаниям о прошлом, а тем более вести ретроспективный просмотр собственной жизни, так сказать, с момента зарождения и до последнего дня. Пожалуй, исключительно по этой причине, вся жизнь у моего приятеля перед глазами не пролетала. Предполагая, что встреча с планетой Земля

состоится не совсем так, как рекламировало аэроагентство в своих проспектах, он огорчался и страдал сверх всякой меры, поддерживая общее трагическое настроение в салоне печальными криками, напоминающими журавлиные. Скорбь от финансовой потери не по вине должника усиливала безутешное горе, поскольку кроме приятеля и должника в тайну финансовых отношений никто из близких и родных непредусмотрительно посвящён не был. Он и самолётом-то рискнул лететь, чтобы деньги эти поскорее забрать. Жене сюрприз хотел сделать. Сделал. Сюрприз, конечно, получился, но совсем не такой, как хотелось. А когда между всхлипываниями и размазыванием соплей по щекам вдруг вспомнил, что за сомнительное удовольствие, называемое в простонародье ускорением свободного падения, ему пришлось ещё и выложить немалую сумму за авиабилет, то вообще волком выл, заглушая шум реактивных двигателей. Так что самолёт – это на любителя. Кому что нравится.

Конечно, не желающим отрываться от поверхности земли более, чем на полметра – метр для передвижения можно бы было порекомендовать автомобиль. А что? Вполне современный и комфортабельный вид транспорта. Не летает, не падает и очень цепко всеми четырьмя колёсами за землю держится. Однако, как ни грустно констатировать, здесь также имеются свои но… Во-первых, на сегодняшний день литр бензина стоит столько же, сколько такое же количество пива и процесс роста цен на горючее идёт по прогрессивной шкале. В сложившейся ситуации человек оказывается перед непростым выбором – какую из этих жидкостей и куда лучше залить, чтобы получить как можно больше удовольствия. По заявлениям авторитетных ученых предпочтение в этом споре не всегда отдаётся бензобаку. Второй немаловажной причиной можно считать тот факт, что за последние годы плотность автоинспекторов на километр обочины дороги возросла настолько резко, что встреча с ними стала неминуемой, как сама судьба. А если при этом ещё учесть, что практически каждый автоинспектор рассматривает владельца авто как солидную прибавку к жалованию, то стоимость проезда на автомобиле уже можно сравнивать с ценою авиабилета, при том непременном условии, что вами будут свято соблюдаться все, без исключения, правила дорожного движения. В противном случае придётся выложить стоимость двух – трёх авиабилетов.

Исходя из выше приведенных соображений, я предпочитаю пользоваться исключительно железнодорожным транспортом и просто обожаю ездить в поездах пассажирских или скорых в зависимости от настроения и плотности кошелька. Причём предпочитаю плацкартные вагоны, которые как-то более демократичны, чем купейные. Народ там подбирается покладистый и без особых притязаний на комфорт. Свой народ не то, что в спальных вагонах – сплошь и рядом надутые индюки с претензиями. Простых людей сторонятся, как будто и нет их вовсе. Забыли, что все мы в одной стране родились и в ней же выросли и продолжаем жить, кто как может. Словно они из иных миров к нам прибыли. Как будто не все мы в детстве бегали в коротких штанишках с пионерскими галстуками на шее и в горн дудели, призывая коммунизм на свои неокрепшие головы. За редким исключением все.

Справедливости ради, стоит отметить, что плацкартный вагон, конечно же, не такой демократичный будет, как общий. Там вообще люди подбираются, ну всё равно, что близкие родственники. На одной скамье, предназначенной для трёх человек средней упитанности, умудряются размещаться по пять, а то и шесть пассажиров. Причём усаживаются так плотно, что если сидящий у окна глубоко вздохнёт, то тот, что с краю всё время падает на пол. Каждый такой пассажир чувствует биение сердца не только соседа, но и следующего гражданина сидящего за ним. И ничего, какие обиды? Ехать всем надо. Впрочем, общие вагоны уже, по всей видимости, отменили. Народ нынче пошёл такой дохлый, что вряд ли выдержит доехать сидя, ну хотя бы, из Симферополя в Москву. Некондиционный пошёл народ. Не найти сегодня здоровяка, который каких-то восемнадцать – двадцать часов мог бы сидеть не двигаясь, как приклеенный. А оставлять место без присмотра в общем вагоне не рекомендуется даже на короткое время, поскольку кое-кто умудряется ещё и стоя ехать. И этот

кое-кто глаз не спускает с сидящих пассажиров и очень зорко бдит за наличием в вагоне вакантных мест.

Нет, сейчас, конечно же, общие вагоны не участвуют в железнодорожном движении страны. Не тот, как говорится, век. А плацкартные ещё сохранились и как-то существуют. И ехать в них простому народу с незначительным достатком одно удовольствие и по карману.

Бывает, не без того, случаются отдельные неприятности даже со столь покладистыми людьми, как пассажиры плацкартных вагонов. Им, как говорится, тоже иногда достаётся на орехи от попутчиков.

Лет пять тому назад пришлось мне стать свидетелем довольно безобразной сцены, произошедшей в плацкартном вагоне, на подъезде к городу Белгороду. Четверо относительно молодых людей, направлявшихся, как стало известно позже, в командировку, пробудившись утром, не обнаружили обуви, в которой они, собственно, в этот вагон и пришли. Удивлению и расстройству их не было границ. Поиск начался сразу же по горячим следам. Когда первые попытки справиться с этой, на первый взгляд, несложной задачей своими силами не увенчались успехом, участие в обнаружении злополучных футляров для ног приняли все пассажиры вагона, включая, по всей вероятности, и того, кто эту обувь и спёр. Несмотря на проявленный энтузиазм и готовность перевернуть всё вверх дном, включая срыв стоп-крана и снятие вагона с рельсов, конечный результат оказался весьма неутешительным. Обувь не обнаружилась даже в тамбуре. Как выяснилось при опросе потерпевших, накануне вечером они хорошо посидели у себя в купе, выпивая, закусывая и планируя планы на ближайшую перспективу. Люди, как говорится, культурно отдыхали и никого не трогали. Не грубили, в проход не плевали и пели песни так тихо, что не было слышно даже в соседнем вагоне. И как водится в таких случаях, не предвидя особых бед, через какое-то время угомонились и задремали под монотонный перестук колёс. А обувку оставили здесь же, на полу, под нижней полкой. Пробудившись на следующий день и не совсем понимая с похмелья, что и как, решили слегка освежиться и сбросить отработанные продукты нетрезвой жизнедеятельности в специально отведенные для этой процедуры места. Стали они шарить руками по полу, чтобы, значит, быстро обуться и пойти, поскольку давило сильно и терпеть уже не было никакой физической возможности. За окном ещё не рассвело и определить визуально, где твои ботинки, а где соседа, представлялось делом весьма затруднительным. Поиск проходил исключительно методом беспорядочного ощупывания пола. Вначале один шарил своими трясущимися лапками под лавкой, отбивая морзянку, затем второй примкнул, а минут через десять – пятнадцать от криков и стенаний, сопровождающих поиски, пробудился весь вагон. Но ничто не помогало сдвинуть дело с места: ни ненормативная лексика, очень удачно и к месту применяемая потерпевшими, ни обещания, если что, вынуть душу из угонщика обуви. Явившаяся на шум и крики заспанная проводница, к своему удивлению обнаружила четверых мужиков с лицами цвета болотной тины, которые икая и матерясь, ползали по полу малогабаритного купе, полируя полы до блеска и заглядывая в такие узкие щели, куда и таракан только боком мог протиснуться. Прочие же пассажиры, будущие свидетели, пробудившиеся от возни и шума, стали им всякие полезные советы советовать со своих персональных полок. Сопереживали, как бы.

При виде дамы в мундире с железнодорожными знаками различия, негодование у невыспавшихся участников движения по рельсам достигло высшей точки кипения. На неё, здесь же, все и набросились с упрёками. Мол, что это происходит на подконтрольной ей территории? Воры обувь прут у живых людей, погибели на них нет. Проводница, ничего о ней плохого сказать не могу, жалобы и оскорбления выслушала с интересом, но помощь обещала только моральную.

– Нет, – говорит. – Дорога за обувь ответственности нести не может. Если, – говорит, – мы за каждый шнурок платить станем, то разоримся к чёртовой матери. Тем более, поскольку

эти пострадавшие находились накануне в таком безобразном виде с полной потерей чувствительности, что даже не услышали, как у них обувь уносили, то пусть или пьют меньше, или вообще в ботинках спать ложатся. Я, – говорит, – удивляюсь, как их самих не вынесли вместе с обувью.

– Умная какая, нашлась, – обиделся тот, у которого вместе с ботинками ушли и носки. – Нам выходить через пару часов. Как же мы в таком полуразобранном виде по перрону передвигаться будем?

– А это опять же не моё дело кто во что обут, – безапелляционно отбрила проводница. – Йоги индийские вообще понятия не имеют, что такое ботинки. Так всю жизнь босиком и ходят: то по битому стеклу, то по углям раскалённым. А вы по гладкому перрону каких-нибудь сто метров пройтись затрудняетесь.

Один из пострадавших от такой трактовки вопроса даже в лице изменился. У него на зелёном фоне лица пошли разноцветные разводы от злости.

– У этой проводницы, наверное, не все дома. Растрясла интеллект, находясь в постоянном движении, – прошептал он слабым голосом. – На дворе февраль месяц, а она заставляет нас без ботинок по перрону гулять. Вот дурища-то.

– А ну вас к дьяволу, – обиделась проводница. – Это ваши проблемы и меня они не касаются. Своих дел по горло. Но только предупреждаю, поезд на станции Белгород, где вам выходить, всего двадцать минут стоит и ни минутой больше. Так что за этот короткий отрезок времени попрошу очистить вагон от вашего присутствия или оплатить дороге дальнейший проезд. И вообще, граждане пострадавшие, может быть, чай закажете, а то вон у вас какой нездоровый цвет лица. Да и не спит уже никто в вагоне. Всех разбудили своими воплями.

Так и не дождавшись вразумительного ответа на прямо поставленный вопрос о чае, она покинула несчастных командировочных в полной панике и состоянии близком к обморочному. Хорошо, что случай этот в плацкартном вагоне произошёл. Народ здесь подобрался не чёрствый и бесчувственный, а душевный и отзывчивый. Соболезнуют пострадавшим по поводу пропажи, хлопочут, свою обувку двумя руками придерживают так, на всякий случай. Неизвестно, сколько бы времени вся эта неразбериха и кутерьма продолжалась, если бы не один опытный мужичок с третьей полки. Он то и нашёл выход из пикового положения.

– Вы, – говорит, – хлопцы, без толку по полу не ползайте. Прилипли ваши ботиночки к чьим-то нехорошим рукам безвозвратно. Мой совет такой вам будет: найдите пару комнатных тапок и пошлите гонца в обувной магазин на ближайшей станции. Но придётся вам добровольца в своих рядах поискать, поскольку вряд ли кто другой на такой подвиг бесплатно польстится.

По сказанному и получилось. У одного из пострадавших нашлись комнатные тапки. Ему-то и выпало бежать на ближайшей остановке за обувью. Принёс каждому по паре, к всеобщей радости. Но хочу заметить, что в те времена обувь так дорого не стоила, как нынче. На ту сумму, что они четыре пары обуви приобрели, сегодня можно обуть разве что одноногого инвалида, да и то с преогромным трудом. Я, кстати, с тех самых пор без тапок в командировку ни ногой. Какая-никакая, а всё-таки обувь в критической ситуации. Вот так всё благополучно в плацкартном вагоне завершилось. А случись такое в вагоне купейном или спальном – пропали бы мужики. Там же простому человеку не достучаться и не допроситься в экстремальной ситуации. Хотя простые люди вряд ли могут оказаться в числе пассажиров дорогих вагонов. Не по карману им это удовольствие.

Но бывают, правда, и другие случаи, когда вместо поддержки и сочувствия можно получить всеобщее неодобрение и, что там скрывать, даже осуждение с угрозами физического насилия. Подобный инцидент случился со мной и моим товарищем в плацкартном вагоне по пути следования в служебную командировку в город Хмельницкий. А дело было

так. Мой попутчик и приятель, Николай Иванович Рогов, человек душевный и компанейский. Отзывчивый, одним словом, человек. Бывать с ним в командировках одно удовольствие. Весёлый и остроумный, он всегда готов поддержать любую компанию, перекинуть рюмочку-другую в ротовую полость и с пользой для здоровья, всё это дело основательно закусить под дорожные разговоры о том, о сём, об этом. А поездка выпала именно на тот исторический момент, когда партия и правительство бывшей большой страны ввязалось в бесперспективную борьбу за трезвость. Бросилось спасать свой утомлённый перестройкой народ от беспробудного пьянства и алкоголизма, как впоследствии выяснилось, для его же пользы. Чем это мероприятие завершилось, наверное, все помнят? Совершенно верно. Братские народы разбежались по республикам, дабы больше не создавать опасного прецедента и исключить возможность повторения эксперимента на пьющих людях. А вы думали, они хотели независимости? Почему же, тогда, все снова здесь? То-то. Николай Иванович, слабо представлявший себе нормальную человеческую жизнь в трезвом виде, совершенно справедливо полагал, что если иногда и выпадал какой-либо чёрный день, в который не удавалось расширить сосуды приемлемой дозой спиртного, то его можно было считать пропавшим и окончательно вычеркнутым из жизни. Ну, а тем более как не выпить в дороге в предвкушении такого ни с чем несравнимого счастья, как недельная разлука с семьёй. Подобного рода отношение к себе и окружающим он вообще считал кощунственным.

В той злополучной поездке спиртное было представлено в довольно широком ассортименте и замаскировано под различные безалкогольные напитки, хранившиеся в двухлитровых полиэтиленовых бутылках. Содержимое первой ёмкости – самогон, настоянный на недозревших грецких орехах, отличался ядовито—чёрным цветом и уже никоим образом не мог вызвать подозрений у работников линейной милиции, несущих ответственность за трезвость в поезде. Чтобы усилить эффект и придать напитку большую правдоподобность на бутылку наклеивался листок в клеточку, вырванный нетрезвой рукой Николая Ивановича из тетради внука—двоечника с лаконичной надписью «Квас». Посвящённые в тайну знали, что этот безобидный, на первый взгляд, напиток обладал огромной убойной силой. Рецепт его приготовления, считавшийся семейным, Николай Иванович хранил в глубочайшей тайне от посторонних глаз. Содержимое двух остальных ёмкостей обладало не столь выраженным эффектом. Бутылки были заполнены водкой и для большего эстетического восприятия закрашены слабым раствором малинового и клубничного сока, дабы сохранить в неприкосновенности первоначальные градусы. Будучи напитками десертными, они предназначались для борьбы с похмельным синдромом на следующий день утром. Вот таким человеком был Николай Иванович – всеобщий любимец и председатель общества трезвости нашего трудового коллектива.

Но, как говорится, всё бы было хорошо, если бы не.… Был у Николая Ивановича один существенный недостаток или, правильнее сказать, дефект организма. Храпел он во сне неимоверно. Вы, конечно, возразите. Ну, что это, мол, за изъян? Нынче многие храпят, чтобы как-то заполнить звуковую паузу во время сна. Не могу с вами не согласиться – это вполне объяснимое с точки зрения медицины явление. У одних внутренний язычок под лаконичным названием «uvula» дрожит от мощной воздушной струи, засасываемой лёгкими, у других толстые щёки по той же причине вибрируют как ненормальные, а третьи вообще издают такие звуки, которые и не встретишь в живой природе. Это действительно бывает у многих. Иногда смотришь и восторгаешься – такая миленькая симпатичная девушка, нежное воздушное создание, выполненное из лепестков роз, а при случае может задать такого храпака, что только держись.

Но те неземные звуки, которые воспроизводил Николай Иванович, были чем-то особенным. Кому выпало несчастье прослушать этот реквием сну, в один голос утверждали, что подобных шумовых эффектов ещё не удавалось издавать ни одному смертному. Его автор-

ское исполнение всегда отличалось уникальностью композиции и разнообразием звучания. По единогласному мнению почитателей столь редкого таланта эти неповторимые колоритные звуки были отнюдь не вульгарным храпом, а какой-то космической симфонией, наводящей на мысль о звёздных войнах. Могу подтвердить, что в подобном утверждении, безусловно, не было и самой малой доли преувеличения. Николай Иванович давал в своих ночных или послеобеденных снах сольные концерты, которые были под силу только очень большому мастеру и виртуозу. И что самое поразительное, исполнение осуществлялось лишь на одном единственном музыкальном инструменте известном широким массам, как верхние дыхательные пути.

Как правило, это творческое безобразие выглядело следующим образом. Едва Николай Иванович смыкал веки, погрузившись в нирвану, сразу же следовала небольшая увертюра или, говоря другими словами, прелюдия, предваряющая основное произведение. На этом творческом отрезке его организм издавал длинный протяжный сигнал – предвестник грядущей бессонницы для тех, кто неосторожно разделил с ним гостиничный номер или имел несчастье оказаться соседом по купе в вагоне.

– Ау – ау – а, ау – ау – а, – начинал он нежно в колыбельном ритме. Первые аккорды ассоциировались с пением заботливой матери у постели младенца. – Ау – ау – а, – нежные заботливые звуки умиротворяли.

Но этот приятный, всем знакомый с детства звук не отличался продолжительностью. Постепенно он креп. Звучание его становился всё настойчивее и требовательнее, напоминая мерзкие крики паршивого койота. В последующих «ау – ау – а» переросших в «яй – яй – я – я —я» уже можно было различить ноты угрозы, звучащие как последнее предупреждение. Так князья Киевской Руси объявляли о своём намерении идти войной на неприятеля.

– Иду на вы, – предупреждал Николай Иванович посредством носоглотки, и это не было пустой угрозой несмотря на то, что он оставался практически неподвижным.

Нарастая по времени и мощи, звучание вскоре достигало своего апогея, уже больше напоминая предсмертные вопли крупного доисторического животного, возможно даже ящера. Несчастным, волею случая разделившим с Николаем Ивановичем ночлег, было уже не до своих персональных снов. Невольно им приходилось сопереживать видения беспокойного соседа. Скользкой холодной змеёй в их душу глубоко проникала беспричинная тревога, трансформирующаяся в неконтролируемый разумом страх. Ни о каком личном сне уже не могло быть и речи.

Через полчаса увертюра прерывалась минутной паузой, которую люди, малознакомые с творчеством Николая Ивановича, ошибочно принимали за окончание всего концерта. Знатоки же готовились к серьёзным испытаниям, зная наверняка, что наступившая пауза всего лишь минута молчания и скорби по их сну. Если бы Вам пришлось оказаться невольным свидетелем происходящего, то перед вашим взором предстала бы картина, выдержанная в самых красочных ритмах ожидания.

Ночь. Купе. На одной из полок угадываются контуры человека, спящего под простынёй. Это Николай Иванович Рогов, уже благополучно отошедший ко сну. Остальные ложа заняты людьми с испуганными глазами, экипированными в одежды, не оставляющие и тени сомнения в их намерении хорошенько выспаться. Бросалось в глаза, что они находятся под сильным впечатлением от только что прослушанной композиции. Веки их тяжелы и слипаются. Им безумно хочется спать. В наступившем затишье жертвы авторского вечера впадают в лёгкую дрёму, готовую при любом удобном случае мгновенно перерасти в глубокий здоровый сон. Но вот тишину нарушает мягкий ненавязчивый рокот. Участники ночного концерта вздрагивают, открывают глаза, и после нескольких минут прослушивания пытаются определить природу этого физического явления и его источник. Вскоре, не без основания, они начинают подозревать, что урчание это исходит из глубины души Николая Ивано-

вича. Подозрения эти, по понятным причинам, растут и крепнут с каждым новым звуком. Кое-кто припоминает, что что-то подобное ему уже приходилось слышать в детстве, стоя на окраине сельской дороги и поджидая попутный транспорт, направляющийся в районный центр. Это был как раз тот самый момент, когда самого транспорта, движущегося в вашу сторону ещё не видно и затруднительно определить грузовик это, автобус или вообще кукурузник, порхающий над полями и опрыскивающий их всякой дрянью. Но с каждой минутой звук становится всё ближе и более узнаваемым. Наконец, сомнения оставляют слушателя. Да, так может работать только двигатель трактора. И как бы подтверждая ваши догадки, Николай Иванович начинает рычать, наращивая обороты дизеля. По истечении времени приходит понимание, что это не какой-то там движущийся по сельской дороге слабосильный колёсный тракторишка «Беларусь», а его могучий гусеничный родственник. Причём это бульдозер, разгребающий огромные кучи тяжёлого грунта. Страдалец-слушатель приходит к окончательному выводу, что так может звучать только бульдозер – громко, настойчиво, ни на минуту не прекращая своего полезного труда.

Но что это?! Сквозь звуки ритмично работающего дизеля воспалённое ухо улавливает неизвестно откуда появившиеся надрывные стоны! Они нарастают с каждой минутой, превращаясь в невыносимый, разрывающий барабанные перепонки, скрежет. И с течением времени, этот звук приобретает столь угрожающий характер, что становится очевидным – случилось чрезвычайное событие. Возникает вполне логичное предположение, что, по всей вероятности, могучий железный конь на всём скаку столкнулся с непреодолимым препятствием, буксуя в бессильной ярости, вспарывая гусеницами землю, и оставляя на ее поверхности глубокие рваные раны. Перед мысленным взором исследователя спектра звуковых колебаний предстаёт картина жесточайшего противостояния техники силам природы. Вновь и вновь тарахтящая и гремящая всеми своими металлическими конструкциями громадина с остервенением набрасывается на непреодолимую преграду и отступает в бессильной ярости. И вот печальный, но закономерный финал – могучий двигатель, не выдержав перегрузки, глохнет. Николай Иванович переворачивается на левый бок.

Наступившая пауза несколько протяжённее предыдущей, но среди присутствующих вряд ли можно обнаружить хотя бы одного оптимиста, заблуждавшегося в отношении продолжительности наступившей тишины. Обманутые первой паузой, они не столь простодушны и самонадеянны, чтобы поверить в то, что все кошмары позади и что, наконец-то, можно спокойно вздремнуть, прикрыв налитые свинцом веки. От усталости и нечеловеческого напряжения организма, вызванного бессонницей, страдалец перестаёт ощущать время. Ничем не обоснованная уверенность в том, что всё-таки несколько часов героически выдержаны без нервного срыва и истерики сменяется полным отчаянием, когда бросив утомлённый бессонницей взгляд на светящийся циферблат часов, несчастный, убеждается, что миновал лишь первый час беспокойной ночи.

Мне всегда казалось, что добрейший из бодрствующих людей, Николай Иванович, специально делал эти паузы во сне для того, чтобы человек волею коварной судьбы, оказавшийся на койке, соседствующей с его ложем, мог поразмыслить о превратностях судьбы и суетности мира. Давал возможность затуманенному мозгу несчастных жертв шумовых эффектов попытаться найти спасение от свалившейся на их голову напасти. И люди, кто как мог, пользовались этим щедрым даром. Во время звукового антракта мысли их приобретали вполне понятную и закономерную направленность. Самые суетливые пытались судорожно натянуть на голову одеяло, рассматривая его как подходящий к данному случаю шумоизолирующий материал. Менее изобретательные индивидуумы в отчаянии прикрывали её же подушкой, но, в конце концов, и те и другие отказывались от бесполезной затеи, задыхаясь от недостатка воздуха. Кто-то, вспомнив полузабытый опыт пионерских походов, пытался применить более радикальные средства защиты. Судорожно роясь в чемодане нетерпели-

выми руками, рационализатор, нервно посмеиваясь, извлекал на свет божий рулон качественнейшей туалетной бумаги. Отрывая огромные куски и обильно смачивая их слюной, он судорожно замуровывал слуховые проходы ушных раковин, безуспешно пытаясь таким образом решить проблему снижения уровня шума. Но вскоре, убедившись в бесполезности затеи, и осознав, что бумагу эту практичнее всё-таки использовать по прямому назначению, прекращал сопротивление. Прикинув свои возможности и разумно оценив остаток сил, человек приходил к пониманию, что при таком уровне шума и вибрации до рассвета можно и не дотянуть.

Самые толковые и расторопные довольно быстро приходили к наиболее правильному решению – спешно покинуть купе или номер и попытаться уговорить проводницу или дежурную по этажу дать им хотя бы временное убежище в другом, более спокойном месте. Но в обдумывание деталей плана спасения мягко, но навязчиво вторгались неизвестно откуда возникшие чавкающие звуки, сходные с теми, которые возникают при ходьбе по болоту человека, обутого в резиновые сапоги. Мысли несчастных путаются окончательно. Непроизвольно мозг начинает работать в направлении идентификации звуков. Услужливое воображение подсказывает слушателю, что где-то, что-то подобное ему уже приходилось слышать. Да, действительно эти звуки до боли напомнили поцелуи, которыми наш незабвенный Генеральный секретарь обожал одаривать своих приближённых. Явно прослушивалось слюнявое чмоканье, сопровождающееся глухим стуком вставных челюстей. Каждый такой поцелуй Николай Иванович заканчивал тяжёлым астматическим вдохом. Звуки эти не обладали значительными шумовыми характеристиками, и появлялась надежда, что к ним можно каким-то образом приспособиться. Некоторых тут же посещала заманчивая мысль – а не попробовать ли, подсчитывая их, наконец-то, заснуть.

– Чмок – стук челюстей – астматический вдох – раз. Чмок – стук челюстей – астматический вдох – два. Чмок – стук челюстей – астматический вдох – три, – считает страдалец упорно. – Чмок, стук челюстей, астматический вдох – пятьсот двадцать восемь. Когда цифра переваливала за тысячу, у счетовода начинала крепнуть уверенность, что незабвенный Леонид Ильич расцеловал уже всё политбюро, доцеловывает Верховный совет и если так пойдёт дальше, через непродолжительное время дело может дойти до всего советского народа. И всё бы ничего, если бы в самом неподходящем месте эти нежные и такие уже привычные чмоканья внезапно не прерывал истошный вопль, срывавший несчастную жертву ночного концерта с постели.

А – а – а – а, – заходился Николай Иванович. – А – а – а – а, – леденящий душу вопль заставлял испуганное сердце холодеть от ужаса.

Он хрипел и задыхался, словно его душили за горло. Казалось, что какие-то неведомые тёмные силы терзали исстрадавшуюся плоть Николая Ивановича, разрывая её на части. С истечением времени звуки эти становились всё тише и тише. Появлялась надежда, что эта добрая сила вот-вот прикончит страдальца, принеся остальным долгожданное избавление от ночного кошмара. Но проходило время и невнятное бормотание, зародившееся в недрах спящего вулкана, окончательно убивало надежду на справедливое возмездие. Оставалось последнее утешение, что пауза эта позволит прикрыть глаза и забыться в беспокойном сне хотя бы несколько минут.

На этой высокой ноте Николай Иванович завершал первое отделение концерта. После небольшого перерыва благодарным слушателям предлагалось вернуться к началу композиции. И вновь звучит такое знакомое нежное «ау – ау – а». К ужасу бодрствующей не по своей воле аудитории, всё повторялось с самого начала.

Та злополучная поездка, о которой у нас пойдёт речь, начиналась безоблачно и проходила в лучших традициях дорожного времяпрепровождения. Освоившись на местности и быстренько перезнакомившись со всеми пассажирами купе, будущими поклонниками сво-

его незаурядного таланта, Николай Иванович в считанные секунды сервировал стол, во главе которого и воссел хлебосольным хозяином. Обе женщины, занимавшие в купе нижние полки, долго сопротивлялись натиску обаятельного и опытного искусителя. Но он с настойчивостью таракана, подбирающегося к хлебным крошкам, вновь и вновь предлагал дамам разделить с ним скромную дорожную трапезу. Дамы продолжали сомневаться. Особенный испуг у них вызывал чёрный как смоль напиток в полиэтиленовой бутылке, который ни цветом, ни запахом не напоминал квас. Но Николай Иванович подмигивая, словно заговорщик накануне государственного переворота, категорически настаивал на термине, начертанном на этикетке.

Два мужика с примыкающих боковых полок оказались более сговорчивыми, и предложение присоединиться к столу приняли сразу и не без удовольствия. К квасу они претензий не предъявляли, принимая предложенные законы конспирации. В конце концов после длинных уговоров и рекламирования выдающихся качеств напитков, предлагаемых Николаем Ивановичем для внутреннего употребления, женщины согласись на малиновый раствор водки.

Как и водится в таких одноразовых компаниях, после пятой рюмки все обращались друг к другу уже исключительно по именам. Отчества игнорировались как признак излишней официозности, чуждой духу небольшой дорожной вечеринки. Спустя пару часов пассажиры в купе были перетасованы, словно колода карт и масть, как говорится, легла по интересам. Николай Иванович восседал соколом-сапсаном на нижней полке, ненавязчиво приобняв одну из попутчиц, раскрасневшуюся от выпивки, клокоча ей в ухо что-то до неприличия игривое. Дама смеялась, делая неубедительные попытки освободиться, в то же время, стараясь, Боже сохрани, не вспугнуть кавалера каким-либо неловким движением. Иногда она, кокетничая, игриво пожимала круглыми плечами, мурлыча: «Да ну Вас, бессовестный» или «Как Вам не стыдно». Но было видно не вооружённым глазом, что ухаживания эти принимались не без удовольствия. Остальные выглядели не лучше. Когда за окном стемнело, а ёмкости были опустошены, мне вдруг пришло в голову, что наступило самое подходящее время для сна. Необходимость принять горизонтальное положение хотя бы на полчаса раньше, чем такую же попытку предпримет Николай Иванович, была очевидна и бесспорна, поскольку тридцатиминутная фора была крайне необходима для засыпания в тишине. Воспользовавшись тем, что Николай Иванович вышел покурить в тамбур, я добыл из дорожной сумки пару великолепных немецких «берушей», являющихся средством индивидуальной защиты органов слуха от шума, полное название которых было «Береги уши» и надёжно изолировал ими свои слуховые проходы, полностью нивелировав частоты, на которых обожал храпеть мой дорогой друг. Дамы не подозревая, какой их в ближайшем будущем ожидает сюрприз, мирно беседовали между собой, обмениваясь свежими впечатлениями. Как джентльмен, я просто считал себя обязанным предупредить их о том, что ночь они могут провести не так, как предполагают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.